

13 (26) мая

Священномученики

Василий Соколов, Христофор Надеждин

и Александр Заозерский,

преподобномученик

Макарий (Телегин)

и мученик

Сергий Тихомиров

Весной 1922 года началось новое после 1918 года гонение на Русскую Православную Церковь, которое по замыслу безбожных властей ради устрашения духовенства и верующих должно было обязательно окончиться казнями. Поводом должно было послужить сопротивление духовенства изъятию церковных ценностей вне зависимости от того, будет ли оказано сопротивление или не будет: ничто не действует так устрашающе, как казнь невинных, какими и были обвиняемые – московские протоиереи Василий Соколов, Христофор Надеждин и Александр Заозерский, иеромонах Макарий (Телегин) и мирянин Сергей Тихомиров.

Священномученик Василий родился 24 июля 1868 года в селе Старая Слобода Александровского уезда Владимирской губернии в семье диакона Александра Соколова. В 1882 году Василий окончил Переславское духовное училище, в 1888-м – Вифанскую Духовную семинарию и был назначен учителем церковноприходской Закубежской школы в Александровском уезде, которая вскоре, благодаря его усилиям, стала одной из образцовых в епархии, с обширной библиотекой для внеклассного чтения.

16 декабря 1890 года Василий Александрович был рукоположен во священника к Христорождественской церкви села Пустое Рождество Переславского уезда Владимирской губернии. Во все время служения в селе – с 1891-го по 1906 год – отец Василий был заведующим и законоучителем церковноприходской школы.

«Хорошо жилось батюшке отцу Василию, священнику села Пустого Владимирской епархии, так хорошо жилось, что лучше и быть не надо. Первое дело, благословил его Господь счастливым супружеством, – писал он в опубликованных им в журнале «Странник» воспоминаниях уже после того, как со смертью супруги-помощницы жизнь его резко изменилась. – Второе же дело, благословил Бог отца Василия служебными успехами и материальным достатком. Немного послужил во иереях отец Василий в своем маленьком приходе, но многого достиг он. Довольные прихожане говорили: “И нет-то лучше нашего батюшки – что проповеди скажет, что порядки ведет, да по всему!” Храм Божий при неусыпных заботах священника содержался всегда в подобающем благолепии и непрерывно поновлялся и благоукрашался.

Не обидел Господь счастливых супругов и потомством. За двенадцать лет супружества они имели шестерых детей. Детки росли здоровые, хорошие, радующие и

утешая своих родителей, души в них не чаявших. Понятно, что много и забот, и хлопот задавали дети батюшке с матушкой, но последние не унывали и не роптали на свою долю. Подбодряя один другого в трудах, они не щадили ни сил, ни здоровья, лишь бы дети были во всех отношениях довольны и исправны.

Быстро и незаметно, как вода в широкой многоводной реке, текла их жизнь по заведенной колее житейской суеты, тревог и забот, в постоянной смене радостей и печалей. Сознавал отец Василий, что не может так гладко жизнь идти. Сказано: “В мире скорбны будете”, – и недаром, конечно, сказано. Не миновать скорбей, как спокойному морю не миновать бури. Опасна и страшна буря после долгого благоприятного затишья. Тяжки и скорби для непривычных к ним, особенно после долгой безмятежно-счастливой жизни. “Хоть бы крест какой послал нам Господь на испытание, – втайне молился батюшка, – не очень бы тяжелый, а чтобы не забывались мы, помнили о земном уделе человеческом”.

Осень двенадцатого года священнослужения отца Василия выдалась весьма благоприятная, но в доме отца Василия все были настроены далеко не на веселый лад. Слезы стояли у всех в глазах. Дело в том, что сам домохозяин заболел тифом – такой болезнью, с которой шутки плохи. Конечно, это в доме хорошо понимали, тем более что и местный врач не скрывал серьезности положения больного. Расчеты на организм отца Василия были сомнительны. Потому и обратились все с сердечной мольбой к Господу, да воздвигнет силою Своею больного со смертного одра. Молились прихожане о своем болящем отце духовном, искренне прося избавления от смертной опасности: ярко сказалась окрепшая уже привязанность пасомых к своему душепастирю. Молились крепко родственники отца Василия, сочувствуя всем сердцем трудному его положению и положению его семьи и внутренне содрогаясь при мысли о печальном конце болезни. Молились дети-малыши, выстроившись перед божницей и усердно кланяясь в землю.

Но тяжелее всех пришлось матушке Иларии. Не жалость, а ужас какой-то охватил и сжал ее сердце, как тисками. Нет и слез, и молитва не идет на ум, не находит она ни в чем облегчения, успокоения.

– Господи, да что же это будет с нами, – в отчаянии говорила матушка отцу Василию. – Хоть бы маленько пожалел ты меня и детей. Смотри-ка, ведь мы как мухи осенние бродим по дому.

– Что же я поделаю, – отвечал батюшка. – Видно, того стоим, того заслужили, чтобы страдать. Может, и умереть придется; не скрою: мне очень трудно.

– Зачем же ты думаешь о смерти? Ты думай о жизни, – попробовала вдохновить матушка мужа. – Кто же растить, кормить детей будет? Что я одна с ними поделаю?!

– А ты погоди еще сокрушаться раньше времени. Вот умру, так наплачешься, нагорюешься. Кому-нибудь да надо начало делать, не сговоришься умереть в один час. А жить-то как без меня? Проживешь, Бог даст: станешь просвирней здесь, ну и прокормишься.

– Бог с тобой, что ты это говоришь.

Больше и духу не хватило разговаривать с больным у матушки. Не вышла, а выбежала она от больного и залилась горючими, неутешными слезами.

Но вдруг среди самого плача матушку осенила какая-то мысль, точно пришло ей на ум верное средство помочь беде своей. Она направилась к божнице,

склонилась там на колени пред образами и стала горячо-горячо молиться. Не обыкновенными, заученными молитвами молилась она, но сама слагала свою скорбную молитву, как умела.

“Господи, подними же его, – говорила она, – даруй ему исцеление. Знаю, что я не стою Твоей милости, не заслужила ее. Помоги мне по милосердию Своему, по человеколюбию. Ты, Господи, видишь мою беспомощность, знаешь лучше меня горе мое и нужду мою. Не оставь меня горькой вдовой, а детей сиротами. Что с ними буду делать я? Куда денусь, чем пропитаю и как устрою? Неужели для того Ты дал нам детей, чтобы они век свой плакались на нищету и попрекали нас, родителей? Сохрани же для блага их жизнь отца-кормильца. И если уж нужно по правосудию Твоему кого-нибудь из нас взять отсюда, то возьми меня. Возьми меня за него, Господи! И я умру с радостью, умру спокойная, что не без хлеба, не без призора остались дети мои. Мать Божия, Святая Заступница! Принеси за меня Свою Матернюю молитву к Сыну Своему, чтобы внял Он гласу моления моего!”

Глубокие вздохи, прерываемые несдерживаемыми рыданиями, дошли до слуха больного.

– Что ты там делаешь? – спросил он.

– Молюсь, – отвечала матушка. – Одно, видишь сам, осталось – молиться. Не на кого надеяться больше, а Бог все может. Я, знаешь ли, что просила у Господа? – чтобы уж лучше мне умереть, чем тебе. Ведь, не правда ли, так лучше будет?

– Напрасно ты об этом просила. Сказано: не искушай. И просила, да не получишь, если не изволит Господь: Он и без нас хорошо видит и знает, что сделать с нами и что нужно нам.

– Я вот потому и просила, – возражала матушка, – что ведь, без сомнения, для детей будет лучше тебе остаться, а мне умереть. Не так ли?

– Не так, не так, – нетерпеливо заговорил батюшка. – Оставь и думать об этом. Что мне, что тебе умирать – одинаково плохо и не время. Но это по-нашему, а по-Божьи это, может быть, и есть самое лучшее для нас и для наших детей.

Господу Богу угодно было внять неотступному молению о болящем иерее Василии. Благополучно миновал кризис болезни, и с начала октября ясно обнаружился поворот на выздоровление. Силы восстанавливались, больной быстро поправлялся. Матушка Илария ног не чуяла под собой от охвативших ее радостных чувств по случаю избавления от грозившей опасности. “Не выздоровел, а воскрес мой отец Василий, – весело хвалилась она всем, – не знаю, как и Бога благодарить за это”. Снова водворился в доме прежний порядок.

Прошел год, и опять наступила осень. Но какую противоположностью была она предыдущей! У отца Василия заболела не на шутку жена его, матушка Илария, заболела как-то неожиданно, сперва не шибко, а там и совсем слегла. Больная больна была телом, но духом бодра и этой бодростью вселяла в окружающих надежду, что скоро поправится и поднимется. Но надежды все не сбывались. Наоборот, болезненные приступы стали тяжелее. Матушка причастилась и просила мужа пособоровать ее...

После соборования больная почувствовала себя значительно лучше, к общему удовольствию всех. На другой день после соборования прибыл врач из уездного города, приглашенный отцом Василием на консультацию с местным врачом. Справедливость требовала сказать настоящий диагноз болезни без всяких прикрас.

“У вашей жены, батюшка, мы с товарищем нашли болезнь печени, все другие, ревматические явления происходят от этой главной болезни. Лечить ее мы, признаться вам, затрудняемся. Так мы решили предложить вам немедленно поехать в московскую клинику для совета с более сведущими медиками”.

В клинике, куда приехал отец Василий, его встретили сочувственно и благожелательно. Пошли торопливые расспросы, осмотры, выслушивания. Пришел и профессор, посмотрел, послушал, покачал головой и сказал священнику, отведя его в сторону:

– Тяжкое заболевание, батюшка, у вашей жены, может быть, рак, может, и другое что, но только едва ли излечимое. Думается, напрасно вы и ее, и себя мучили приездом сюда. Впрочем, духом-то не падайте. Мы еще поглядим. Дай Бог, если бы иначе оказалось.

Прав был профессор в своих догадках. Совет клинических докторов констатировал рак печени у больной, о чем на третий день и было объявлено отцу Василию.

– Ничем мы не можем помочь вашей супруге, примиритесь со своим положением. Рак неизлечим, оперировать в печени нельзя. Исход один – смерть.

Помолившись у московских святынь в Успенском и Покровском соборах, в часовнях Иверской и Пантелеимоновской, отец Василий тронулся в обратный путь.

Илария

“Да будет воля Твоя, Господи, да будет воля Твоя!” – мысленно твердил батюшка, со страданием смотря на любимую жену, которая лежала перед ним как прекрасный, но увядший, побитый осенним морозом цветок. “Только не лиши меня,

Господи, Своей последней милости и помощи – довести ее живую домой, избавь от терзания видеть умирающей в дороге”.

И Господь, богатый милостью, сотворил по прошению отца Василия. Без особых приключений, даже без больших трудностей добрался он домой в свое село.

Праздник Покрова Пресвятой Богородицы. Торжественно справляется служба Божия в храме села Пустого при множестве молящихся. И видят, и слышат прихожане, что больно невесел их батюшка, отец духовный, глубокой печалью омрачено его лицо, дрожит, замирает, прерывается то и дело его обычно звучный голос, и поневоле все настраиваются на неспраздничный лад. Помолвившись, все разошлись по домам. Только отец Василий долго еще не выходил из храма в тот день. В молитве перед Божиим престолом он искал утешения своему смятенному сердцу. В молитве к Богу искал он утешения своим горестям, которые теснили душу. Он сознавал, что только тем и можно облегчить свое тяжелое иго – искренно, усердно молиться и с детской доверчивостью предать себя всеблагой воле Божией, помощи и заступлению святых угодников. Все земные доступные средства к отвращению нависшей беды были исчерпаны. Горькое вдовство для себя и тяжелое сиротство для детей предстояло в самом, очевидно, близком будущем.

На другой день Покрова к отцу Василию приехали тесть с тещею, приехала и сестра его.

– Да, – рассуждали у постели больной ее родители, – видимое дело, что развязка близка. Нечему жить. Вся высохла, куда что девалось, только что дышит, и то еле-еле. И отчего этот рак у нее завязался, странное дело. Разве уж не от прошлогоднего ли ее горевания во время вашей болезни он привязался к ней?

– Все может быть, конечно, – отвечал отец Василий. – Это я и сам хорошо помню, каких мучений стоила ей моя болезнь. Чего уж? Молилась Господу, чтобы взял ее к Себе за меня. Ведь только крайнее отчаяние, руководимое самоотверженной любовью, могло подвинуть на такую молитву и просьбу. И что удивительно: то было 2 октября, в нынешний, значит, день. Неужели же Господь и судит быть по ее прошению и возьмет ее к Себе? Тогда все станет понятно: это перст Божий, это она умолила и за меня свою жизнь положила.

Вечером в тот же день не стало матушки Илари: отошла с миром ко Господу. Лишился отец Василий горячо любимой жены, семья – заботливой матери, родные – радушной, ласковой хозяйки, а прихожане – услужливой, приветливой матушки. Потеря была велика равно для всех.

Много народа собрало погребение матушки Илари, несмотря на то, что день был будний. Всем непритворно жаль было, что так рано угасла столь нужная жизнь, жаль было оставшихся детей-сирот, из которых половина не понимала значения понесенной утраты, жаль было и батюшку отца Василия, овдовевшего в такие еще молодые годы, жаль было разрушения всего семейного счастья и благополучия этого дома, на который многие указывали как на достойный подражания пример».

Спустя четыре года после смерти супруги отец Василий поступил в Московскую Духовную академию и окончил ее в 1910 году со степенью кандидата богословия, которую получил за работу «Леонтий Византийский (его жизнь и литературные труды)». В своем отзыве на работу отца Василия ректор академии епископ Феодор (Поздеевский) писал: «Автор сделал своим сочинением ценный вклад в церковно-историческую науку и проявил громадную научную работоспособность, так что

хочется от души пожелать ему не бросать научных занятий, хочется, чтобы он попал в обстановку, благоприятную для его ученых работ или, по крайней мере, для того, чтобы означенное сочинение вышло в свет в виде магистерской диссертации».

29 июля 1910 года Совет Московской Духовной академии под председательством епископа Феодора принял решение просить Святейший Синод о разрешении оставить отца Василия Соколова при академии третьим сверхштатным профессорским стипендиатом. 28 сентября Святейший Синод отклонил ходатайство Совета из-за «крайней ограниченности в настоящее время средств духовно-учебного капитала».

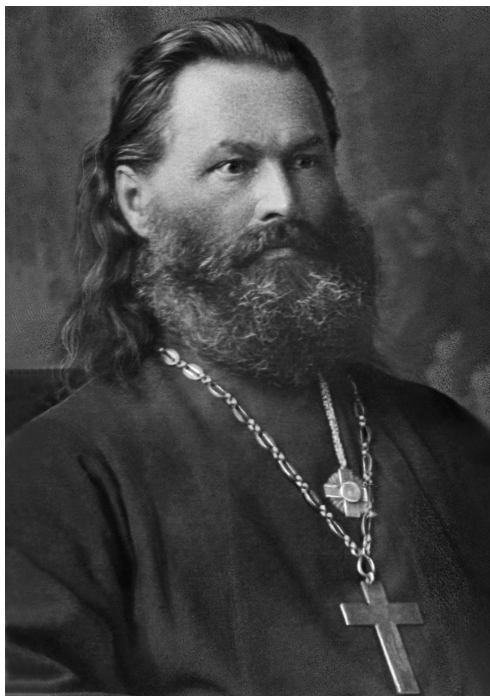

*Священник Василий Соколов с детьми,
(слева направо): Нина, Антонина и Борис*

26 ноября того же года распоряжением епархиального начальства отец Василий был определен в Николо-Явленскую церковь на Арбате. С 9 августа 1911 года он состоял членом Совета Братства святителя Николая при Николо-Явленском храме, с 1 ноября 1912 года – помощником благочинного Пречистенского сорока 1-го отделения, с 1 октября 1913 года – законоучителем Николо-Явленской церковноприходской школы и частной женской гимназии Ломоносовой. 6 мая 1916 года отец Василий был награжден наперсным крестом. Его дочери, Нина и Антонина, стали его ближайшими помощницами, разделяя с отцом педагогические труды в Николо-Явленской церковноприходской школе, где они были учителями.

7 мая 1915 года указом Святейшего Синода отец Василий был назначен редактором одного из отделов журнала «Московские церковные ведомости».

Перемены коснулись тогда всей редакционной коллегии журнала. Новая редакция видела свои задачи в том, чтобы создать условия для придания журналу «жизненно-практического направления и, в частности... к расширению отдела по описанию событий и явлений церковно-епархиальной жизни».

Протоиерей Василий Соколов

«Пред обновленной уже редакцией, – писал отец Василий в своем обращении к духовенству Московской епархии, – стоит важная и серьезная задача о действительном обновлении самого издания. Однако выполнить сразу всю намеченную программу преобразования нет никакой возможности по той простой причине, что редакция не располагает для этого в надлежащей мере ни материальными средствами, ни интеллектуальными силами. Возможно лишь постепенное приближение к заданной цели. И скорость такого приближения будет зависеть главным образом от того отклика, какой найдет настоящий призыв редакции ко всему епархиальному духовенству...

Мы обращаемся с самой настойчивой просьбой к нашим собратиям во Христе – пастырям Церкви Московской и всем вообще нашим читателям переменить индифферентное отношение к своему родному органу епархиальной мысли и жизни на заботливое и участливое... Хотелось бы слышать откровенное заявление о том, что может служить к поднятию нашего издания на подобающую ему высоту... Хотелось бы иметь побольше корреспондентов во всех местах нашей епархии, которые периодически доставляли бы в редакцию сведения о выдающихся фактах местной религиозно-церковной жизни... Весьма желательно было бы вообще расширить круг наших сотрудников по изданию привлечением в него лиц и столичных и провинциальных, которые обеспечили бы для журнала постоянный приток интересного литературного материала».

Второй год продолжалась тяжелая Мировая война, события которой многих верующих людей призывали задуматься глубже о смысле личного и национального бытия, потому что война, как всякое испытание, давала и новый опыт народам воюющих сторон. Размышляя о жизни русского народа после ожидаемой победы, потому что тогда еще не мыслилось поражение в войне, отец Василий в канун 1916 года писал: «С окончанием войны мы, несомненно, выходим на путь независимого, самобытного устройства и развития жизни, на путь осуществления своих национальных начал, на путь своей православной славянской культуры.

Трудно... представить себе, чего потребует от каждого из нас и от всего народа успешное выполнение этих поставленных задач. Но думается, что несомненным залогом такого осуществления может служить только одно – действительное обновление нашей жизни. И мы весьма счастливы тем сознанием, что дорога к этому обновлению до некоторой степени уже проторена за это время войны. Война указала нам на необходимость укрепления религиозно-нравственных основ жизни и поведения, ибо без них и сильные, и хорошо вооруженные руки оказываются бессильными и бесполезными в борьбе с врагами. Война подчеркнула для нас обязательность честной, безусловно трезвой и неослабно трудовой жизни, ибо без таковой невозможно никакое состязание в мировой борьбе за существование. Война дала нам хороший урок о преимущественной важности образования и просвещения, о предпочтении всего своего и родного всему чуждому, иноземному, иноверному. Мы положили благое начало действительному проведению в жизнь многих из этих уроков войны. И в результате среди нас народилось некоторое культурное движение именно в сторону истинного прогресса... Нам нужно спешить и спешить с действительным обновлением своей жизни... При этом едва ли мы ошибемся, если скажем, что самая главная роль в деле этого обновления народной жизни должна принадлежать пастырям Церкви, народным учителям и родителям семейств. Пастыри, учителя и родители не только стоят при дверях человеческой души, но имеют и свободный доступ во внутреннюю ее. Для них поэтому, и прежде всего для них, открывается счастливая возможность благодетельного воздействия на вверенные им души. Се ныне время благоприятно для их культурного делания! Да не меркнут же их светильники в этой облегчающей нас тьме, да не ослабевают их руки в предстоящей культурной работе! Обновляясь сами в своей личной жизни, пусть износят они из сокровищниц сердца своего в окружающую их среду благие призывы к всестороннему улучшению и обновлению жизни нашей».

Не сбылись надежды лучших русских людей на победу, неумолимым оказался ход истории, приведший Россию к поражению и порабощению ее одним из самых враждебных человеку учений – воинствующим безбожием и богоборчеством. Принятие частью российского общества европейских начал и законов как основы государственного устройства неумолимо привело к принятию и всех крайностей этих законов – тирании и безбожию. После Октябрьского переворота и переезда большевистского правительства во главе с Лениным в Москву начались аресты и расстрелы всех неугодных новому правительству лиц. По окончании к 1922 году гражданской войны и беспощадного ограбления народа, наступил голод, которым большевики воспользовались, чтобы уничтожить Церковь. 2 января 1922 года Президиум ВЦИК принял постановление «о ликвидации церковного имущества».

6 февраля 1922 года Патриарх Тихон обратился с посланием к верующим об оказании помощи в связи с бедственным положением голодающего населения. 26 февраля ВЦИК опубликовал постановление об изъятии церковных ценностей, в котором намечалось «в месячный срок... изъять из церковных имуществ... все драгоценные предметы из золота, серебра и камней...».

28 февраля Патриарх Тихон обратился к верующим с посланием, в котором писал, что «ВЦИК для оказания помощи голодающим постановил изъять из храмов все драгоценные церковные вещи, в том числе и священные сосуды, и прочие богослужебные церковные предметы.

С точки зрения Церкви, подобный акт является актом святотатства, и мы священным нашим долгом почли выяснить взгляд Церкви на этот акт, а также оповестить о сем верных чад наших».

В марте 1922 года началось насильственное изъятие ценностей из храмов по всей стране. 4 апреля 1922 года члены комиссии по изъятию церковных ценностей пришли в храм Николы Явленного; отец Василий просил их не изымать предметов, необходимых для богослужения, отсутствие которых создаст трудности при причащении, но ему в этом категорически было отказано. Чувство горечи и скорби налегло на сердце священника. И на праздник Благовещения он сказал проповедь, касающуюся не только содержания праздника, но и недавних событий, чтобы хоть как-то утешить прихожан.

Присутствовавший в храме осведомитель не расслышал все слова проповеди и записал ее так, как счел нужным, и отец Василий на основании его донесения был арестован. Всего было арестовано и привлечено к суду пятьдесят четыре человека и в их числе священники Христофор Надеждин и Александр Заозерский, иеромонах Макарий (Телегин) и мирянин Сергей Тихомиров.

С 26 апреля по 8 мая в зале Политехнического музея проходил суд Московского Революционного трибунала. Обвиняемые держались мужественно и с достоинством. Многократно судьи пытались их соблазнить облегчением участи в обмен на показания против других, но безуспешно.

На третий день процесса, 28 апреля, был допрошен протоиерей Василий Соколов.

– Признаете ли вы себя виновным? – спросил его председатель суда.

– Я признаю, что в день Благовещения я произнес проповедь, но не в том духе, в каком мне это приписывается.

– Вы читали воззвание?

– Нет, я произнес проповедь.

– Может быть, вы дадите объяснения по этому поводу?

– Я прошу выслушать мою проповедь, потому что здесь обвинением учтены только отдельные фразы и выражения, совершенно упускающие из виду самое содержание проповеди. Когда я собрался произнести проповедь в день Благовещения, то меня перед обедней спрашивали, о чем я буду говорить, и я ответил, что буду говорить о христианской радости, потому что Благовещение является для нас главным образом праздником радости. Мне задали вопрос: «Но почему же вы не будете говорить об изъятии ценностей?» Я ответил, что изъятие уже прошло и не надо поэтому затрагивать этот вопрос. Когда я вышел на церковный амвон и стал говорить проповедь, я начал говорить о радости, что причиной такой

радости является праздник Благовещения... так как с этого дня началось наше спасение. Мне хотелось возбудить эту радость в моих слушателях, но, наблюдая собравшихся, я убеждался в том, что на их лицах нет отпечатка этой радости. Вот я и счел нужным переменить тему моей проповеди... на такую, которая в данный момент является наиболее желательной... Что, может быть, наша скорбь является следствием изъятия церковных ценностей? – Это не должно служить причиной нашей скорби. Я говорил, что нам не нужно скорбеть об этих ценностях, тем более что эти ценности пойдут на помощь голодающим. Нужно еще больше радоваться этому, потому что через это будет утолен голод умирающих людей... На этих ризах, которые украшали наши иконы, покоятся заботы и труды многих миллионов людей, которые из года в год вносили в церковь свои гроши... Мы отдаем из нашего храма священные сосуды, которых было четыре. Нам оставили один, и, конечно, для потребностей нашего храма этого недостаточно. И мы хотели просить комиссию дать нам еще один из сосудов, но, к сожалению, наши старания успеха не имели: наше предложение переменить эти сосуды на вещи домашние из золота и серебра – было отклонено.

Я знаю, что для вас это прискорбно, что мы лишились священных сосудов, но мы не должны предаваться этой скорби безгранично, мы должны знать, что священные сосуды все-таки принесут ту пользу, которую они должны принести, в смысле помощи голодающим. Вы печалитесь, и конечно же не без основания, что эти священные сосуды могут быть превращены в деньги или какие-нибудь изделия... Конечно, это равнодушно не может перенести наше христианское сердце. Мы можем смело надеяться, что Бог, Который является нашим хранителем, если эти священные вещи пойдут на цели недостойные, воздаст тем, кто это совершил. Мы знаем это из исторического факта, некогда имевшего место в истории иудеев. Когда иудеи попали в плен в Вавилон, их святыни были недостойно употреблены, за что вавилоняне были наказаны. Затем я сказал прихожанам, что... ничего не было осквернено из того, что мы считаем святым... Но самая главная радость – это то, что самая главная икона Николая Чудотворца осталась неприкосновенной; это самое радостное сообщение в наш радостный праздник. Вот те мысли, которые я проводил в своей проповеди. Мне незачем было проводить мысли о том, что власть поступает не совсем законно, отбирая ценности, так как факт изъятия ценностей уже совершился, моя задача – примирить слушателей с этим фактом, избежать той горечи, которая была после случившегося, – вот мое понимание настоящей проповеди.

В своем последнем слове протоиерей Василий сказал: «Проповедь, которая привела меня сюда, на скамью подсудимых, не заключала в себе ничего преступного, она была проповедью чисто религиозной... Я говорил свою проповедь к водворению мира и успокоению в душах моих слушателей и думаю, что достиг этого... В моей проповеди есть одно место, которое в особенности подало повод обвинителю нападать на меня. Это место из псалма 136-го. Обвинение хотело из этого места сделать вывод, что я клонил свою проповедь к дискредитированию советской власти... Может быть, тут сыграло роковую роль слово “окаянная”, которое малограмотный человек мог истолковать и сам объяснить в совершенно ложном смысле. “Окаянный”... значит несчастный, и никакой мысли о проклятии и

ругательстве даже быть не может, христиане... себя охотно называют окаянными, и в песнях церковных оно очень часто слышится, никто из нас не обижается...

Я не хотел бы утруждать внимание Революционного трибунала изложением той деятельности моей, которая указала бы на мое отношение к вопросу о голодающих. Достаточно взойти на Арбат и спросить любого обывателя, что такое “Милосердный самарянин”, и там скажут вам, что это есть Братство, руководимое мною, которое свою благотворительность раскинуло не только по Арбату, но довело ее до вокзала, до тюрем, где сидят заключенные. Мне об этом говорить не хотелось бы: благотворение – дело интимное, и мы, пастыри, проповедуем делать это без шума. Итак, я еще раз и с полной искренностью свидетельствую перед Революционным трибуналом, что я не сделал никакого вреда или зла моей проповедью ни моим слушателям, ни тем более советской власти».

Священномученик Христофор родился 21 февраля 1869 года в селе Нижний Белоомут Зарайского уезда Рязанской губернии* в семье священника Алексея Надеждина. Первоначальное образование Христофор получил в Зарайском духовном училище; в 1889 году он окончил Рязанскую Духовную семинарию и был определен учителем пения и чистописания в Данковское духовное училище Рязанской епархии. 20 ноября 1891 года он был назначен на должность надзирателя училища.

В 1892 году Христофор Алексеевич поступил в Московскую Духовную академию. Усиленное занятие учебными предметами, а также желание глубокого их изучения и одновременно изучение материалов для кандидатского сочинения, начатое им почти сразу же после поступления в академию, привели к резкому расстройству здоровья, и врач академии настоял на том, чтобы его отправили на лето 1895 года в Самарскую губернию для лечения кумысом.

В 1897 году Христофор Алексеевич окончил Московскую Духовную академию и представил сочинение «Очерк истории православной полемической против раскола литературы XVII и начала XVIII в. (до учреждения Св. Синода)», за которое получил степень кандидата богословия. Исполняющий должность доцента Московской Духовной академии Илья Михайлович Громогласов** писал в отзыве на эту работу: «Обращаясь к оценке рассматриваемого сочинения, нельзя не отозваться с большой похвалой прежде всего о замечательном научном трудолюбии автора: его интерес и усердие к делу далеко превышают мерку обычных требований, предъявляемых к кандидатской диссертации... Признавая необходимым дать своему исследованию возможную полноту в подборе изучаемого материала, он не только собрал и обследовал в библиографическом отношении все известные в печати полемические памятники взятой эпохи... но и успел отыскать частью в академической библиотеке, а главным образом в различных книгохранилищах Москвы и Петербурга, иногда в нескольких списках, немалое число новых источников, доселе оставшихся совершенно неизвестными исследователям».

* Ныне поселок Белоомут Луховицкого района Московской области.

** Священномученик Илия (Громогласов); память 22 ноября/5 декабря.

Учась в академии, Христофор Алексеевич подружился с Иваном Васильевичем Успенским*, взгляды которого на аскетический подвиг, на непрестанную борьбу с помыслами, на ревностное служение Богу были ему самому очень близки.

По окончании академии ее ректор, епископ Феодор, предложил Христофору Алексеевичу место миссионера в Новочеркасске, но престарелые родители, обеспокоенные возможной разлукой с сыном, настояли на том, чтобы он получил место служения в непосредственной близости от них. 10 февраля 1900 года Христофор Алексеевич поступил на должность законоучителя земской школы в родном селе Нижний Белоомут. 23 февраля 1900 года он был назначен заведующим школьными религиозно-нравственными чтениями по воскресным и праздничным дням. 22 апреля того же года он получил назначение на должность заведующего женской церковноприходской школой села Нижний Белоомут.

*Христофор Алексеевич Надеждин
с супругой Екатериной Степановной*

10 июня 1900 года епископ Рязанский Полиевкт (Пясковский) рукоположил Христофора Алексеевича во диакона, а на следующий день во священника к Преображенской церкви села Нижний Белоомут.

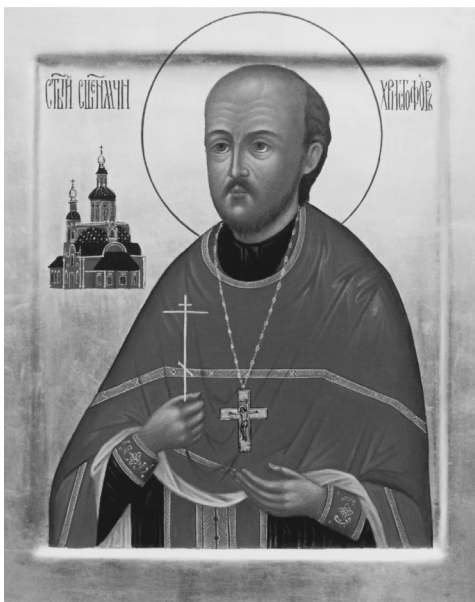
2 ноября 1901 г. отец Христофор получил назначение законоучителя в новоучрежденную московскую классическую мужскую казенную гимназию имени Ивана и Александры Медведниковых, а 23 июня 1902 г. был приписан к церкви Усекновения Главы Иоанна Предтечи в Старой Конюшенной слободе. 10 июля 1906 года отец Христофор был определен в храм мученика Иоанна Воина, в

* Впоследствии архиепископ Тверской Фаддей, священномученик; память 18/31 декабря.

котором он и прослужил до своей мученической кончины. Кроме священнических обязанностей, кои он исполнял весьма ревностно, неустанно проповедуя слово Божие, отец Христофор нес послушание законоучителя, сначала в женской гимназии Ломоносовой, а впоследствии в женской гимназии Гельбик.

В течение 1915-1916 годов отец Христофор проводил внебогослужебные беседы с народом, на которых присутствовало иной раз до трехсот человек. Всего приход храма мученика Иоанна Воина насчитывал в то время около двух тысяч человек.

3 января 1921 года отец Христофор был назначен благочинным. 23 марта 1922 года безбожные власти арестовали священника, обвинив его в том, что 4 марта он произнес в храме проповедь, в которой сказал, что наступившая разруха есть следствие нравственного падения народа, а также в чтении в храме воззвания Патриарха Тихона, касающегося изъятия церковных ценностей, и распространении его в храмах своего благочиния. Через три дня после ареста отец Христофор был допрошен.

Священномученик Христофор

Отвечая на вопросы следователя, он сказал: «Виновным себя в агитации против постановления ВЦИКа об изъятии церковных ценностей не признаю. Моя проповедь 4 марта 1922 года за всеобщим бдением – это объяснение церковного названия наступающего воскресного дня – Недели Православия. Мы с вами заурядные чада Православной Церкви... К чему приводит практически непослушание Церкви? – К разрухе, которую мы и наблюдаем в нашей современной жизни. До такой степени мы упали нравственно теперь, что справедливо грядет на нас суд Божий, этот суд выражается, может быть, и в предполагаемом ВЦИКом изъятии церковных ценностей для оказания помощи голодающим и в том, что изъятые вещи могут не попасть на помощь голодающим...

Воззвание Патриарха Тихона в моей приходской церкви и в церквях благочиния читалось, в моей церкви мною лично – 12 марта после литургии... Воззвание

Патриарха было мне доставлено до двух раз: в первый раз в четырех экземплярах, во второй раз в двух экземплярах – в том и другом случае через неизвестных мне лиц, но, несомненно, от высшей церковной власти, то есть или от Патриарха или от архиепископа Никандра*. Мною через верующих воззвание было разослано по церквям благочиния».

На вопросы обвинителей в зале суда отец Христофор отвечал: «Воззвание Патриарха Тихона я огласил и считаю его религиозным. Контрреволюционного в нем ничего не вижу. 4 марта в церкви я произнес проповедь религиозного характера, в которой говорил, что мы пришли к упадку и что изъятие ценностей есть грядущий суд Божий за наши грехи».

7 мая отец Христофор произнес в зале суда последнее слово: «По моему мнению, человек, который бывает в храме, слышит слово Божие, должен помогать бедным... Я считал своим святым долгом призывать свою паству к этой священной обязанности, и не проходило ни одного большого праздника, чтобы я не призывал помогать голодающим; я принимал пожертвования; по отношению к приходу я не позволял себе получать плату за требы... Отделение Церкви от государства я приветствую... приветствовал всегда. В ту минуту, когда Церковь отделяется от государства, священник становится свободнее... Я никогда не старался возбуждать мою паству, я старался внести успокоение».

Священномученик Александр родился 20 июля 1879 года в городе Москве в семье священника Николая Павловича Заозерского, служившего в Петропавловской церкви в Мариинской больнице. Первоначальное образование Александр получил в Заиконоспасском духовном училище; в 1899 году он окончил Московскую Духовную семинарию, в 1903-м – Московскую Духовную академию со степенью кандидата богословия и был определен митрополитом Владимиром (Богоявленским) на должность псаломщика к Троицкой церкви на Арбате. В 1908 году Александр Николаевич был рукоположен во священника к Девятинской церкви на Пресне, а через год переведен в Александро-Невский храм при Мещанских училищах и богадельне. В 1919 году безбожные власти закрыли храм как домовый, и отец Александр был назначен в церковь великомученицы Параскевы Пятницы в Охотном ряду, где и прослужил до своей мученической кончины.

С 1910-го по 1917 год отец Александр состоял помощником благочинного, а с 5 июля 1917 года – благочинным. 1 января 1921 года он вновь был переизбран на эту должность. В 1920 году отец Александр был возведен в сан протоиерея. Во все время своего священнического служения – с 1908-го по 1918 год – он состоял законоучителем средних учебных заведений и церковноприходских школ. С 1914-го по 1916 год он читал лекции по догматическому богословию и вел практические занятия по проповедничеству на Московских Пастырских курсах. С 1914-го по 1918 год отец Александр преподавал в Московской Духовной семинарии на кафедре гомилетики. Кроме этого, он был секретарем Общества любителей духовного просвещения и товарищем председателя отдела распространения религиозно-нравственных книг.

* Феноменова.

В 1913 году отец Александр овдовел и священноначалие предложило ему принять сан епископа, но он отказался, мотивируя свой отказ тем, что желает быть ближе к народу.

8 апреля 1922 года власти арестовали священника. Будучи допрошен, отец Александр виновным себя не признал и сказал: «Я был на собрании в храме Христа Спасителя. Архиепископ Никандр пригласил меня на собрание, которое должно было состояться 28 февраля. Пришедший на собрание архиепископ Никандр говорил о церковной дисциплине: он указывал, что в кругу священнослужителей стали замечаться новшества; он остановился на священнике Борисове, который сдал без разрешения церковных властей церковные ценности и сделал объявление в газете “Известия ВЦИК” и призывал других священников следовать его примеру. Такое явление, говорил архиепископ Никандр, недопустимо. После этого архиепископ Никандр ознакомил собравшихся с декретом и инструкцией ВЦИКа об изъятии церковных ценностей и прочел послание Патриарха Тихона. Через некоторое время ко мне пришел незнакомый мне гражданин и принес несколько экземпляров воззвания Патриарха. Все воззвания Патриарха я разослал по церквям по долгу своей службы, подчиняясь распоряжению высших церковных властей. Я также в первый же воскресный день прочел воззвание Патриарха Тихона в своей приходской церкви. С воззванием Патриарха Тихона я согласен и считаю его религиозным, а не контрреволюционным».

4 мая во время судебного следствия состоялся допрос привлеченных к суду благочинных. Среди других был допрошен и отец Александр. Обвинитель спросил его:

– Официальная сторона дела показывает, насколько у вас развита конспиративная сторона. Чем можно объяснить, что вы совершенно единодушно отвечаете?

– Вы не знакомы с нашими церковными правилами, – ответил отец Александр.
– Мы, священники, не можем рассуждать о том, что нам предлагается главой Церкви... Нам предложили – мы, как священники, должны были передать верующим.

– Вы считаете себя распорядителем церковного имущества? – спросил обвинитель.

– Я сам не подписывался под актом принятия имущества, но я себя считаю не посторонним человеком в этом деле. Этот вопрос был затронут самой властью, она просила Патриарха высказаться в воззвании о помощи голодающим, можно ли пользоваться освященными вещами, поэтому он написал это воззвание.

– Священники почему-то по долгу христианства должны подчиняться Патриарху, даже в том случае, если Патриарх толкает вас на контрреволюционный шаг, а не делать этого вы стесняетесь.

– Мы должны стесняться, потому что Церковь для нас – самое дорогое и состоит из умных людей, а во-вторых, в этом воззвании я ничего контрреволюционного не вижу. Все, что там сказано о святотатстве, имеет отношение к людям из комиссии по изъятию ценностей, чтобы они осторожнее обращались с сосудами.

– Если священник не высказывает своих мыслей, потому что он думает, что это стеснение, то, по вашему мнению, это не есть шкурничество?

– Смотря в каком случае.

– Во всех тех случаях, когда священник расходится с Патриархом, он все-таки должен исполнять то, что ему приказано. Как вы считаете, это шкурничество или стеснение?

– Я это шкурничеством назвать не могу. И даже в том случае, когда они убеждены, что этого исполнить нельзя, я вполне уверен, что Патриарх ничего противохристианского исполнить не прикажет, и потому священники должны исполнить свой долг повиновения.

В последний день процесса обвиняемым было позволено сказать последнее слово. Протоиерей Александр сказал: «Граждане судьи, прежде чем покинуть этот зал и уйти, может быть, в вечность, я хотел бы реабилитировать себя... Христианин должен любить ближних и Бога... Мне бы еще хотелось сказать, что мы здесь, попавшие на скамью подсудимых, далеко не составляем той сплоченной тесной организации, которую хотел бы видеть обвинитель. Поверьте, что многие из священников по недоразумению здесь. Ведь и все благочинные читали воззвание, а на скамье оказалась небольшая группа людей. Я думаю, что весь наш процесс, который совершается здесь, – громадное недоразумение... Наши мысли и мы далеки от той политической жизни, которую нам пытаются навязать. Мы не иезуиты, мы не католическое духовенство – нет, мы действительно пришли и строим только одну духовную жизнь, которая нам подведена, все другое – политика, тем более контрреволюция – нам чужды совершенно. Поэтому, если я и совершил какое-либо преступление, в том смысле, что, прочитав контрреволюционное воззвание (хотя это не доказано), возбудил этим толпу, если мы действительно что-либо совершили, то это плод нашего незнания ориентации в новой обстановке... Для меня лично смерть не страшна – я, как верующий, верую, что Господь каждому шлет умереть тогда, когда надо, но нам жизнь нужна, чтобы реабилитировать себя не здесь, а на деле; мне хотелось бы послужить своему народу, который я люблю».

Преподобномученик Макарий родился 28 августа 1876 года в селе Летниково Бузулукского уезда Самарской губернии в семье крестьян Николая Карповича и Евдокии Феофановны Телегиных и на следующий день был крещен и наречен Павлом. В раннем детстве мальчику было чудесное явление, после которого он принял решение уйти в монастырь. Все мирское его перестало интересовать; еще будучи подростком, он нашел пещеру и удалялся в нее для молитвы. Первоначальное образование он получил в народном начальном училище. На семнадцатом году жизни он отправился в паломничество в Киев. Здесь, у святынь Киево-Печерской Лавры, окончательно созрело его решение уйти в монастырь, но ему пришлось отложить исполнение этого намерения: 1 января 1898 года он был призван в армию, в которой прослужил до 29 ноября 1902 года.

В 1905 году Павел поступил в Московский кафедральный Чудов монастырь и пробыл здесь на послушническом искусе пять лет. Здесь он окончил монастырскую школу. В 1910 году, ходатайствуя о получении указа о зачислении Павла в число послушников, настоятель в характеристике написал о нем: «Принимая в соображение его безукоризненный образ жизни, заметную склонность и душевное влечение к иноческому житию, всегдашнюю готовность к усердному исполнению возлагаемых на него различных послушаний... осмеливаюсь смиреннейше

ходатайствовать... об определении его... в число указных послушников Чудова монастыря».

8 октября 1910 года Павел был зачислен в монастырь послушником; основное его послушание стало клиросное. 22 января 1911 года он был пострижен в монашество и наречен Макарием, 1 февраля того же года рукоположен во иеродиакона, а 6 сентября 1913 года – во иеромонаха.

С началом Первой мировой войны в августе 1914 года иеромонах Макарий был откомандирован в действующую армию и служил священником при 400-м подвижном госпитале. Из командировки он возвратился в Чудов монастырь 12 октября 1915 года. 29 июня 1917 года за труды, понесенные во время боевых действий, отец Макарий был награжден наперсным крестом.

После закрытия Чудова монастыря безбожниками иеромонах Макарий стал служить в храме на Троицком патриаршем подворье. 3 апреля 1922 года в Сергиевский храм Троицкого подворья пришла комиссия по изъятию церковных ценностей. Члены комиссии здесь действовали нарочито грубо и кощунственно, и отец Макарий в лицо назвал их грабителями и насильниками и был тут же арестован и заключен в тюрьму.

На допросах во время судебного разбирательства отец Макарий отвечал открыто и прямо.

– Вы себя виновным признаете? – спросил его председатель суда.

– Не признаю.

– А в тех фактах, которые изложены?

– Да, в тех фактах я признаю.

– Вас в чем обвиняют, вы знаете?

– Знаю. Я при изъятии церковных драгоценностей назвал комиссию грабителями и насильниками, за это меня арестовали. А что меня побудило, я вам скажу – мое религиозное чувство и пастырский долг, потому что светские люди не имеют права даже входить в алтарь. Но когда они коснулись святыни, то для меня это было очень больно; я, ввиду этих обстоятельств, действительно произнес эти слова, что “вы – грабители, вы – насильники”, ибо они преступность сделали, святотатство и кощунство...

– Значит, будем так считать, что вы считаете, что комиссия действовала, как грабители?

– Грабители. Действительно, это кощунственно для верующих, тем более для служителей престола. Как же это так? Я прихожу в ваш дом и начинаю распоряжаться. Скажите, что это, не то же самое?

– Где вы высказывали эти взгляды? Около храма?

– Зачем около храма? Я это говорил на подворье Патриарха.

– Где вы, говорите, оскорбили комиссию?

– У Святейшего Патриарха в храме, при изъятии.

– У него есть храм?

– Да, домовый.

– Там много было изъято ценностей?

– Я когда был, были венчики на горнем месте. Поставили стол и, опираясь на престол ногой, начали снимать. Тут меня арестовали. Я вижу: тут сила и воля – зашли с револьверами, поставили стражу, кавалерию, и что я могу тут сделать?

– Вы считаете, что при монархизме духовенству лучше было?

– Как то есть лучше? Жизнь была лучше, значит, хорошо.

– Сейчас тяжелее?

– Да, теперь все тяжелее.

– Значит, при монархизме было лучше?

– Да, всем было хорошо, потому что было изобилие, а теперь мы видим, к чему страна идет и к чему пришла, – что об этом говорить.

– Вы монархист?

– Да, по убеждению.

– Скажите, точка зрения христианская с точкой зрения монархической совпадает?

– При чем тут монархизм и христианство? Христианство своим порядком, монархизм своим порядком.

– Вы можете ответить на вопрос? С точки зрения христианской допустимо быть монархистом?

– Допустимо.

– Значит, из всех видов властей вы сочувствуете только монархической?

– Я всем сочувствую хорошим.

– Советская власть – хорошая власть?

– Если где хорошо делает – хорошая, а плохо – плохая. Что же мы будем рассуждать. Мое убеждение такое, а ваше другое – и ничего не получится.

– Что значит, что вы остались монархистом?

– Что мои такие убеждения, и я в настоящее время противного не агитирую, а живу, как все смертные живут на земле.

– Что же тогда вы представителей советской власти ругаете?

– Это при условии, когда затронули чувства религиозной святыни.

– Вам известно, что Патриарх считает существующие власти как бы от дьявола? Известно это? Вы его послания читаете, послания 19-го года, где он сказал, что власть советская есть исчадие ада?

– Я теперь понимаю и вижу, что вы люди неверующие.

– Отвечайте на вопрос, если хотите. Если не можете, то скажите: от Бога или от дьявола?

– От Бога.

– Как же вы говорите, что признаете только монархическую власть, как это примирить?

– Ведь я вашей власти ничего оскорбительного не делаю.

– Нет, вы уже нанесли оскорбление.

– Я при условии нанесения оскорбления святыни.

– Вы знаете, что монархисты – это враги? Вы считаете себя принадлежащим к шайке врагов рабочего класса?

– У меня врагов нет, я за них молюсь. Господи, прости их.

– Не очень вы, кажется, молились за советскую власть.

– Нет, я и сейчас молюсь. Господи, дай им прийти в разум истины. Все люди стремятся к хорошему... И я смотрю на вас, что желания ваши – устроить по-хорошему, и мне это нравится, но я вижу, что вы стремитесь собственными силами, и я не вижу здесь Бога. А раз нам Бог сказал, что без Меня невозможно...

Но безбожники не хотели слушать слова о Боге, и обвинитель с раздражением прервал отца Макария:

– Вы мне читаете лекцию, а я вам задаю вопрос: вы считаете монархизм врагом трудящихся?

*Иеромонах Макарий (Телегин).
Москва, тюрьма ГПУ. 1922 год*

– Я вам говорю – у меня врагов нет.

– Вы историю знаете, что у монархизма были и дурные стороны?

– Да, известно.

– Если бы власть такого дурного монархизма учинила бы кощунство... и изъятие святыни, вы бы промолчали?

– Я все равно не промолчал бы – святыня выше всей власти. Такие чувства самые дорогие.

В день окончания процесса в последнем своем слове, предавая свою жизнь в руки Божии, иеромонах Макарий кротко сказал: «Аще имеете вы судить по вашим законам, то судите». Находясь в тюрьме, он говорил заключенным вместе с ним священникам: «Жду не дождусь встречи с Господом моим Христом».

Одним из обвиняемых, совершенно непричастным к сопротивлению изъятию церковных ценностей, стал Сергей Федорович Тихомиров, прихожанин Богоявленской церкви в Дорогомилове.

Мученик Сергей родился в 1865 году в Москве в семье купца второй гильдии Федора Дмитриевича Тихомирова; образование Сергей Федорович получил в церковноприходской школе, а затем по примеру отца стал купцом. В 1910 году он вместе с супругой переехал с Арбата на Большую Дорогомиловскую улицу, где поселился напротив Богоявленского храма, став с этого времени его постоянным прихожанином.

Во время изъятия ценностей из Богоявленского храма перед ним собралась большая толпа. В информационной сводке за 5 апреля 1922 года о событиях,

касающихся изъятия ценностей из Богоявленского храма, сотрудник ГПУ написал: «Собралась толпа около пяти тысяч человек, все время увеличивающаяся, настроенная очень возбужденно, и бесчинствует: бросаются камнями в красноармейцев, задерживают проезжающих в автомобилях, проверяют документы и ищут коммунистов – таким образом был избит один коммунист. Толпой избито в кровь несколько красноармейцев, при операции убит один курсант. Толпа загнала комиссию вместе с красноармейцами в церковь. Из собравшейся массы слышатся выкрики, что они винтовок и револьверов не боятся... Приняты меры к срочной присылке на места кавалерии».

Однако на следующий день ГПУ признало, что оно давало ложные сведения. «Картина событий не вполне соответствовала действительности и была представлена в более сгущенном виде, – писалось в информационной сводке. – Прежде всего собравшаяся здесь толпа, возбужденное настроение которой вылилось в некоторые эксцессы по отношению к отряду красноармейцев, охраняющих порядок, в действительности не достигала тех громадных размеров... как это было указано вчера, а была значительно меньше. Что касается сообщения об убийстве курсанта, то таковое сообщение также неправильно: в действительности он был лишь сильно ушиблен кирпичом в руку, причем выронил винтовку».

Сергей Федорович во время этих событий не выходил на улицу, находясь в своей лавке напротив храма, но все же был арестован и препровожден в тюрьму вместе с другими. На допросе следователь задал ему всего лишь один вопрос:

– В каком месте вы принимали участие в избиении красноармейцев?

– Никакого участия в избиении красноармейцев я не принимал, – ответил Сергей Федорович.

На этом следствие по его делу было закончено, а когда дело стало разбираться в трибунале, то не нашлось ни одного красноармейца, который подтвердил бы это обвинение, и судьи не решились публично его допрашивать, опасаясь, что любые вопросы могут выявить его полную непричастность к делу.

В последнем своем слове Сергей Федорович сказал: «Я не могу себя признать виновным; меня увели четыре агента... я вовсе там не был».

8 мая 1922 года был зачитан приговор трибунала: одиннадцать человек были приговорены к расстрелу и среди них священники Василий Соколов, Христофор Надеждин, Александр Заозерский, иеромонах Макарий (Телегин) и мирянин Сергей Тихомиров.

После суда все приговоренные к расстрелу были доставлены в одиночный корпус Бутырской тюрьмы, размещены в камерах по одному и лишены прогулок. После того, как стало известно о приостановлении исполнения смертного приговора, осужденные с разрешения начальника тюрьмы подали ходатайство о смягчении условий содержания, но оно было отклонено.

В тот же день Сталин подал записку членам Политбюро: «Московский суд приговорил к расстрелу одиннадцать человек, из них большинство попы... Каменев предлагает ограничиться расстрелом двух попов. Прошу голосовать “за” или “против” предложения... Каменева. Я лично голосую против отмены решения суда». Состоялось голосование: Ленин, Троцкий, Сталин и Зиновьев проголосовали за смертный приговор.

9 мая 1922 года Патриарх Тихон направил ходатайство председателю ВЦИКа Калинину о помиловании. «В силу определения Всероссийского Собора... – писал он, – имею долг печаловаться пред Вами, как Представителем Высшей Государственной Власти, о помиловании осужденных, тем более что инкриминируемого послания они не составляли, сопротивления при изъятии не проявляли и вообще контрреволюцией не занимались».

11 мая снова состоялось заседание Политбюро относительно приговоренного духовенства, на котором Троцкий пообещал, что завтра внесет свои письменные предложения; на следующий день он их огласил, предложив: «Всемерно использовать настоящий критический момент для опубликования воззвания от имени прогрессивной части духовенства... разбить тем временем приговоренных на две группы, как на основании обстоятельств, вытекающих из дела, так и на основании отзывов и ходатайств лояльных священников, которые подпишут воззвание».

В тот же день лидеры обновленцев подали ходатайства во ВЦИК о помиловании приговоренных к расстрелу, при этом «считая приговор трибунала... в высшей степени справедливым» и «признавая совершенную справедливость приговора трибунала по делу... обвиняемых в противодействии власти при изъятии ценностей».

14 мая председатель Московского Ревтрибунала, заместитель наркома Юстиции и заместитель председателя ГПУ при ближайшем участии Троцкого составили заключение по делу приговоренных к расстрелу священников. «При исключении из списка 11-ти осужденных к высшей мере наказания остальных 6-ти лиц, – писали они, – комиссия руководствовалась исключительно соображениями о возможности с наименьшим ущербом для существа приговора, справедливого по отношению ко всем 11-ти, пойти максимально навстречу ходатайству прогрессивного духовенства».

Обновленцы, однако, надеялись, что поданные ими ходатайства о помиловании будут – из-за тесного сотрудничества их с властями – удовлетворены полностью и таким образом всем будет показано, что именно их политика взаимоотношений с советской властью приносит плоды. Но безбожной власти куда важнее было связать с собой обновленцев кровью пролитой невинных людей, чтобы в глазах народа они всегда оставались предателями. 18 мая 1922 года Политбюро приняло окончательное решение о расстреле приговоренных.

После утверждения приговора Политбюро отец Василий писал своим близким: «19/V. Всем любящим и помнящим меня! Насилу прожил эту бесконечную ночь. Воистину эта была ночь под многострадального Иова. Нервы до того натянуты, что не мог уснуть ни одной минуты. Каждые шаги за дверь казались походом за мной, чтобы вести на Голгофу. И вот уже утро, а все-таки сна нет, нет и позывов к нему. Среди ночи причастился. Это утешило, конечно, духовно, но телесно ничего не изменилось. Сколько раз я просил и Господа, и угодников святых послать мне естественную смерть. Завидую Розанову, который заболел тяжело в тюрьме и умер дома. Даже и такого, кажется не очень большого счастья, и то уже получить нельзя. Остается, видно, повторять одно и то же: да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли!

Вспомнил вчерашнюю записку Тони при посылке продуктов. Пишет: многие участвуют в передаче и просят благословения. Шлю вам это мое пастырское благословение, не мое, собственно, а Божие – через меня, недостойного. Как я рад был бы вас благословить лично, усты ко устом побеседовать! Анна Васильевна и Владимир Андреевич, наверное, исстрадались по мне, грешному, и ты, Анна Георгиевна, наверное, исплакалась, меня вспоминаячи. Да и все вы: Евдокия Ивановна, Оля, Катя, Паня, Маня, Таня, Матреша и другие все – изгоревались о своем батюшке, с которым завязались, как на грех, такие теплые, дружеские отношения. Глубоко скорблю я о вас в разлуке с вами. Хоть глазком бы взглянуть на вас, хоть где-нибудь в щелочку увидеть вас! Но ничего не видно из моей камеры, только небо да стены тюремные. Утешимся тем, что всякое страдание на пользу человеку, на пользу его бессмертной душе, которая только ведь и имеет значение. Для меня страдание тем более необходимо, что жизнь прожита среди постоянного забвения о душах, вверенных моему пастырскому попечению. Время было трачено на всякие дела и меньше всего на те, на которые нужно было, – на пастырский подвиг. Жаль, что прозревать всегда приходится после того, как беда стряется, как даже и поправить ничего нельзя. И вот вам всем, кто хочет и будет помнить меня, урок от моей трагической судьбы – оглядываться вовремя и не дожидать до таких непоправимых ударов, до каких дожил я. Имейте мужество сознать неправильность пути, которым идете, и сумеете поворотить туда, куда нужно. А куда нужно, об этом каждому говорит прежде всего совесть его, а потом Христос в Его Святом Евангелии. Идите за совестью и за Христом и никогда ни в чем не потерпите урона. Может быть, потеряете во мнении общества, в материальном достатке, в служебных успехах – все это, в конце концов, не больше пули. “Хватайся за вечную жизнь”*, – пишет апостол Павел Тимофею. И вы прежде всего и больше всего пекитесь о вечной жизни, о небе, о душе, о служении Христу, о помощи братьям меньшим, о любви к ближним и т. п. – и тогда проживете жизнь свою без потрясений, без катастроф.

Я часто теперь ставлю себе этот вопрос: для чего стряслась надо мной такая непоправимая беда? Прежде всего, конечно, для меня самого, а затем и для вас, моих дорогих духовных детей, моих милых самарян и самарянок, прихожан и прихожанок, для вас, братьев и сестер. Ведь все мы должны сойти в могилу в разное время. Вашему пастырю суждено и в смерти быть поучительным, и именно потому, что он не умел быть поучителем жизнью своею. Если эта судьба моя произведет на вас достаточное образумляющее впечатление, если скорби мои научат и вас примиряться с теми многими скорбями, без коих нельзя войти в Царство Небесное, тогда будет оправдана тяжелая участь моя и мне легко и весело будет смотреть с того света на благодетельные перемены, какие произойдут в жизни вашей. Иначе мне и там несладко будет чувствоваться, глядя на вас, не вынесших ничего духовно полезного из постигшего вас испытания.

Боже мой, Боже мой! Как много роится мыслей в голове, чувств в сердце, которые хотелось бы передать вам, моим дорогим братьям и сестрам, моим духовным чадам. Я знаю, что вы крепко молитесь Богу о мне, и я молитвенно вспоминаю всех вас. Не расслабляйтесь в молитве из-за того, что не по-вашему хотению творит Господь, а по Своей святой воле. Так и должно быть. Наша воля

* Подвизайся добрым подвигом веры, держись вечной жизни, к которой ты и призван (1 Тим. 6, 12).

слишком недалёковидна и неустойчива, чтобы на нее полагаться. Воля Божия одна может привести нас к истинному нашему счастью. Устраивайте же себя так, как угодно Богу, и не ропщите на то, что выходит не по-вашему... Тогда Господь мира всегда будет с вами.

Благословляю всех вас. Обнимаю и лобзаю лобзанием святым. Грешный протоиерей Василий

19/V. Немного уснул после бессонной ночи, и самочувствие стало значительно лучше. Правда, сердце не перестает ныть, как бы в предчувствии нависшей беды, но состояние организма покойное, уравновешенное. К тому же слухи распускают (я думаю, что распускают для настроения) хорошие, будто предreshено вообще отменить смертные приговоры по нашему делу, заменить другими наказаниями. Какие бы ни были эти наказания, несомненно, их предпочтешь расстрелу, но верится с трудом в такую благонамеренность судей. Почему же ее не было у них раньше? Скоро все узнается. Уже, наверное, дело пересматривается, и окончательный приговор не замедлит вступить в силу. Господи! Что тогда? Неужели так и придется расстаться с белым светом? Вот когда организм крепнет, тогда и жажда жизни увеличивается. Потому-то, я думаю, подвижники и изнуряли и не щадили тела, чтобы эту жизненность в нем ослабить, чтобы возбудить жажду другой, небесной, духовной жизни. Две эти жажды одновременно не могут вместиться в настроение человека. И потому мудрый не дает возобладать животнo-телесной чувственной жажде в своем организме, а старается о доминанте духовной.

В отношении себя должен я сказать, что духовная жажда не была моим постоянным и устойчивым настроением и в прежнее время. Так остается и теперь, даже в эти единственные в своем роде дни, когда вопрос о жизни здесь и о жизни там стоит на самой первой очереди, когда надежды на здешнюю жизнь телесную почти утрачены и предстоит неизбежная встреча с жизнью потусторонней, загробной. Даже и теперь настроение остается колеблющимся, и вспышки чувственной, земной жизни нисколько не ослабевают, а только разве замирают на время, чтобы немного погодя дать о себе знать еще сильнее.

Однако, думаю, не может пройти бесследно такое душевное напряжение в борьбе за то, что же должно предпочесть – земное или небесное, телесное или душевное, настоящее или будущее. Во всяком случае, весы решения склоняются в сторону последнего выбора. И этот результат является самым важным плодом переживаемого времени. Что бы ни случилось потом, все-таки вопрос является решенным окончательно: держись за вечную жизнь, за небо, за душу. Остальное все – преходит и не стоит серьезного внимания. Для меня, как уже вообще перешедшего во вторую половину жизни, давно следовало бы остановиться на таком выборе и направить все усилия к его проведению в жизнь. Этого не было по доброй воле. Теперь это приходится признать и начать осуществлять по необходимости.

Да, тюрьма великая учительница и строгая наставница. Она не любит шуток и половинчатости. Здесь надо решаться окончательно и бесповоротно. В свободной жизни к этому себя никак не принудишь, до этого сознания никак не дойдешь. Вот она – эта тюрьма, теперь окончательно убедила меня, что отдаваться со всем жаром и исключительностью мирской, житейской суете – чистое безумие, что настоящее

занятие для человека должно состоять в служении Богу и ближнему и меньше всего в заботах о себе. Что дала мне, в конце концов, эта моя многопопечительность о земных стяжаниях, о честолюбивых, служебных и иных преимуществах, о покое и довольстве телесной жизни? Я признаю, что эта неправильная постановка жизни и довела меня до тюрьмы. Правда, я в последнее время (и только в последнее) стал добрее, позаботливее в отношении к бедным и к ближним вообще, но именно только чуть-чуть. Нет, надо в корне все это перестроить и жить по-христиански, а не по-язычески, как это велось доселе. Но придется ли, Господи, придется ли хоть попробовать жить по-Божьи? И сможешь ли жить по-Божьи на свободе?! В тюрьме да в грядущем страхе смерти решимость не пропадает и крепнет, а на свободе, среди шума жизни и всяких соблазнов – там, пожалуй, и не выдержишь такого благого решения.

Да, да, и во всяком зле есть свое добро, и даже большое добро. Так и в тюрьме много добрых переверотов совершается в душах людей. И они уходят отсюда во многом очищенными от старых плевелов, от прежней грязи. Уйду ли я таким, и вообще уйду ли?!

Прот. В. Соколов

20/V. Как бесконечно длинен и бесконечно мучителен этот тюремный день! Не знаешь, когда встаешь, когда что делаешь. Часов не полагается, и все считается только по оправкам: их три – утренняя, обеденная и вечерняя. Скоро ли, долго ли до той или другой оправки узнать не по чему, а ночь – так это чистая вечность, особенно для меня, часто просыпающегося или вовсе не засыпающего. Недаром на стенах есть разные отметки теней – тень обеда, ужина и т. д. Но тут очень мало точности, а потому так часто и слышишь из окон переклички: сколько времени, скоро ли то и то. Летом, конечно, можно перекликнуться, а каково зимой сидеть в таком положении. Ночью огня тоже нет, и смотришь поэтому с особой радостью на светила небесные. “Звезда, прости, пора мне спать...” – каждый вечер звучат в душе моей эти слова, дорогая Тоничка*. Думала ли ты, когда пела, и думал ли я, когда слушал, что эти мысли, эти чувства, какие заложены в эту песню, будут реально переживаться самим мною. От тюрьмы, как от сумы, не отрекайся. Пословица оправдалась с самой беспощадной правдивостью.

Сегодня встал, думаю, часов в пять. Какое-то движение за дверью, какие-то торопливые шаги, иногда возгласы, а ведь ты заперт, как в сундуке, и не можешь проверить, что делается кругом тебя. Оттого-то так и напрягаются нервы – от этой неизвестности происходящего вокруг тебя. Но нынче я как будто спокойнее отношусь ко всему, не потому чтобы страх смертный пропал, а потому, что, по сведениям, дело наше еще стоит на мертвой точке. Вот когда сдвинется и пойдет к концу, тогда уж придется поволноваться как следует. Пока же живешь часами: то полегче, то потяжелее. Иногда набежит такая мутная волна на сознание, что ничему не рад и готов хоть на стену лезть...

Предлагают читать книги: есть люди, даже выписывающие их из дому и занимающиеся наукой. У всякого свои нервы и свой характер. Но у меня не такой, чтобы в виду смерти думать о каких-то научных интересах.

* Тоничка – дочь отца Василия Антонина.

Пробую сосредоточиться, читать. И через каждые пять минут отрываюсь, чтобы думать все об одном и том же – о своей настоящей и будущей участи. И когда снова обратишься к книге, то забываешь, о чем читал. Какой же может быть толк из такого прерывистого чтения? Вот если бы была какая-нибудь физическая работа, какое-нибудь рукоделие, это было бы истинным счастьем. За ним скоротал бы время и избавился от докучающих дум. Жаль, ничего такого я не умею, да и мало кто из нас умеет что-нибудь в этом роде. Опять, нет никаких материалов, никаких орудий. Голыми руками ничего не поделаешь.

Остается почти единственное, но зато и самое утешительное занятие в настоящем положении – это молитва. Если где, то здесь можно и должно, по Апостолу, непрестанно молиться. В словах молитвы, при углублении в их смысл и значение, постепенно открываются новые и новые источники ободрения и радования. Иногда повергаешься в самоосуждение, в сознание глубины своей греховности, в сознание своей прежней немощности. Но затем это настроение вытесняется более властными словами надежды, утешения. Для огорченного, страдающего сердца молитва не только дает отдых и покой, но и вливает в него струи жизни, силы для примирения с безотрадностью действительностью, для перенесения постигших несчастий. Без молитвы прямо можно было бы пропасть, впасть в безысходную тоску, в смертную агонию.

Пока держу свое правило – вычитываю все дневные службы по молитвослову. Не думал я, чтобы эта книга так могла быть полезной мне в жизни, как вообще ведь не думал и попасть в настоящее печальное положение. О, если бы эти молитвы были благоприятны пред Спасителем нашим Богом! Если бы долетели эти скорбные вздохи до небесных за нас молитвенников и подвигли их на умоление за нас! Но на свои молитвы надежды не только мало, но и совсем нет. Каждый, кто тонет, тот стонет и взывает... Я больше возлагаю надежды на ваши молитвы, мои близкие моему сердцу – дети кровные и дети духовные. Ваши молитвы добровольные и самоотверженные, они могут больше значить для умилоствления Владыки Христа. Некогда молитвы верных извели из темницы Петра апостола. Не случится ли хоть что-нибудь подобное с нами, грешными, по вашим святым молитвам?!

Прот. В. Соколов

21/V. День за днем все прибавляет нам Господь жизни. Все медлит Господь с призывом нас к Себе, ожидая нашего покаяния, нашей душевной подготовки. И смотря по тому, что мы из себя покажем в это критическое время, какие задатки, добрые или плохие, в себе обнаружим, то и будет нам. Ибо у Праведного Мздовоздателя ничего не делается не по заслугам.

К сожалению, мы в настроении своем расслабляемся. По разным причинам. И потому, что гроза смерти еще не вблизи, и потому, что вторгаются в наши мысли и переживания острые вопросы злободневной жизни. Вот, например, вопросы о переустройстве Церкви. Ведь это такие дорогие сердцу нашему вопросы, которые не забудешь и в минуту смерти. Да, что будет с тобой, родная наша Православная Церковь?! Как будто нарочно именно этим судом над нами был поставлен такой роковой вопрос. Тысячу лет не поднималось таких вопросов. Куда же, в какую сторону возьмешь ты направление свое, мать наша родная? Верим в Божественный Покров Небесной Главы твоей, верим во Христа Господа, Который

возлюбил Церковь Свою и предал Себя за нас и не может оставить ее на произвол судьбы, верим, что Он выведет ее на истинный и светлый путь. Но это – в конце концов, а что предстоит испытать ей до тех пор? Что готовится для чад Церкви, пока все это не образуется, не благоустроится?! Одному Господу известно это, но, судя по нам самим, много скорбей и страданий должно выпасть на долю христиан православных, пока не достигнут они тихого пристанища.

И как жаль, как обидно, что в такое важное время ты отстранен от всякого участия в совершающихся событиях. Конечно, может быть, ничего мы и не внесли бы в эти события от себя лично, но все же мы могли бы помочь окружающим нас разобраться в них, переварить их. В душе встает страх за свою паству, оставшуюся без руководства, без духовного присмотра, что может повлечь за собой колебание в вере, падение в нравственности и отчуждение от Церкви. А это верный шаг к духовной гибели. Господи! Не поставь нам еще и этих, могущих быть тяжелыми, последствий для наших пасомых нам же, пастырям, в счет, не вмени нам же в ответ и, яко благ, прости ради нашей собственной беспомощности, невозможности не только другим, но и себе ничем помочь в настоящем бедственном состоянии!

Как будешь существовать и управляться при данных условиях ты, наша Николо-Явленская церковь? Кто и как поведет тебя в наше отсутствие? Невольно приходят в голову эти мысли ныне, накануне праздника 9 мая*. Что станут предпринимать вследствие пастырского кризиса наши церковные попечители? Удовлетворятся ли наемными священниками или станут хлопотать о новом, постоянном священнике? Возможно то и другое, и найдутся, думаю, сторонники и того, и этого. Меня интересует это постольку, поскольку будет на своем месте тот, кто явится моим заместителем. Обидно и грустно будет, если таким явится неподвижный или бездарный человек, который не только не продвинет дальше нами начатого, но не поддержит его и в настоящей степени развития. Тогда зачем мы трудились, зачем мы так всем рисковали? Конечно, там остались еще люди со старым закалом, с ревностью о пользе и славе храма и прихода. Но чего не бывает в нынешнее время, каких превращений и неожиданностей! Так и тут. Сказано: “Поражу пастыря, и разыдутся овцы” [Мф. 26, 31].

Дорогая Николо-Явленская паства! Как бы хотелось видеть тебя в эти ответственные и чреватые всякими событиями дни на высоте своих задач, в полном сознании серьезности переживаемого момента. Как бы хотелось, чтобы ты удержалась в прежней роли хранительницы чистого православия, заветных традиций, строгого устава служб, настроенности богослужебной постановки! Как бы хотелось, чтобы продолжалось среди тебя религиозное просвещение, разгоралось молитвенное вдохновение, расширялось благотворительное дело! Хочется верить и надеяться, что небесный хозяин храма и руководитель паствы – святитель Христов Николай не даст заглухнуть посеянному семенам, не даст погибнуть уже обнаружившимся всходам и пошлет на ниву свою надлежащих делателей, чтобы довершить начатое. Буди сие, буди!

Прот. В. Соколов

* 9/22 мая празднуется перенесение мощей святителя и чудотворца Николая из Мир Ликийских в Бар, престольный праздник храма, где служил отец Василий.

22/V. Николин день! Наш светлый храмовый праздник! Слышу давно – звонят к ранним. За сердце хватает этот звон. Звонят и у нас конечно. Но тебе нельзя ни звона послушать, ни на службу взглянуть. Вот до чего можно дожить! Знать, велики наши грехи, что лишили нас всего-всего, даже самого невинного и для всех возможного. Это, несомненно, воздаяние за грехи собственно пастырские, за неумение, за нежелание пасти как следует стадо Христово. Нам указано пасти – не господствуя над наследием Божиим, но душу свою полагая за него, а мы, как раз наоборот, все пасение полагаем во внешнем владычестве над пасомыми, в получении с него скверных прибытков, в достижении себе почета и славы и проч., и проч. Одним словом, мы извратили самый смысл духовного пастырства и превратили его во владычество мирское. За это, несомненно, и казниться приходится. Думаешь, что ведь не один я такой – и все таковы, – но разве это оправдание? Вор не может оправдаться тем, что многие другие воруют, и даже больше его, а попался – так терпи заслуженное. Так вот и я – попался, и на пустяках, можно сказать, попался, всего на одной проповеди, и вот неси эту страшную кару. А кара действительно ужасна, для меня по крайней мере. Приходится каждый день умирать, ибо каждый день ждешь, что тебя позовут на расстрел. Не знаешь, в какой стадии находится судебный процесс – вот, может быть, приговор подписан и срок его истек. Сейчас придут приводить в исполнение. И мечешься в этом ожидании нависшей над тобой кары, и не знаешь, чего даже просить у Господа: того ли, чтобы продлилась еще жизнь, или чтобы скорее она кончилась и прекратились эти мучения, эти ежедневные умирания. Представляешь себе, как тебя поставят к стенке, как объявят приговор, как наведут на тебя ружья, как почувствуешь смертельный удар, – все это уже по нескольку раз переживаешь в своем воображении, а сердце все дрожит, все ноет, и нет ему ни минуты покоя. Разве это жизнь?!

Встал, по обычаю, рано. Уже помолился и причастился. Вспоминаю, что теперь служил бы в церкви своей, теперь учил бы своих прихожан, говорил бы им о святителе Николае – и сам бы утешился, и других утешил и ободрил. А там стал бы ходить по приходу и делиться со всеми своими мыслями и чувствами. В свою семью, своим деткам принес бы праздничную радость и утешение. Теперь без меня им и праздник не в праздник. Хоть и не умер их папа, но его нет с ними, а может быть, он уже и умер, могут они думать и от этого еще больше омрачаться и расстраиваться. Да, сколько всяких страданий и лишений наделал я этой своей историей и ближним, и дальним. Разве нельзя было заранее учесть всего этого? Так нет, как бы нарочно все это было игнорировано и сделано так именно, как не надо было делать. Позднее раскаяние! Сколько было таких раскаяний и какой был прок от них! Если иногда эти раскаяния и приводили к возврату прежнего благополучия и положения, то много ли служили они делу нравственного исправления и обновления? – Немного, а потому и истощилось Божие долготерпение и навис над головой этот страшный и роковой удар. Таким образом, теперь поставлен вопрос о том, могу ли я быть истинным пастырем, в состоянии ли осуществить, хотя относительно, пастырский идеал или уже безнадежен. От этого и будет зависеть судьба моей жизни. Господь сохранит и продолжит ее, если по всеведению Своему знает, что еще могу я исправиться, могу быть добрым пастырем. Если нет, то Он прервет эту жизнь, чтобы ни себе не приносила, ни другим не делала лишнего зла и вреда. Твори же, Господи Сердцеведец, волю Свою! У меня же ныне на душе одно: умоли, угодниче Божий

Николае, за меня, недостойного, Господа Бога, дабы мне скончать жизнь на службе при святом храме твоём, дабы не погибнуть злостью, насильственной смертью, а сподобиться христианской безболезненной, непостыдной и мирной кончины. Надеюсь на молитвы, веруя в предстательство твое, с терпением буду ждать конца этой мучительной трагедии, этого ежедневного умирания.

Прот. В. Соколов

23/V. Повидался с вами, детки мои дорогие. Слава Богу! Как будто просветлело на душе. А теперь опять уже пошли печальные думы: не в последний ли раз я повидался с вами? Жизнь висит на волоске. Тяжело, невыносимо тяжело жить в таком положении...

Никогда не падал так духом, как в эти дни, потому ли, что надломились нервы, что эта напряженная в думах и чувствах жизнь стала убивать всякую бодрость в душе, или потому, что действительно чувствуется большая опасность в отношении моей жизни. Пожалуй, и то и другое. Удручающе повлияло на настроение сообщение о присуждении к смерти шуйских священников, участников тамошнего возмущения. Такой прецедент ничего хорошего не сулит. Затем образование нового церковного управления с отставкой Патриарха – тоже неблагоприятный момент. Мы тоже сопричастны старому направлению, и ясно, что за нас среди новых не найдется защитников. Скорее в лице их мы встретим себе недоброжелателей, и это, конечно, может отразиться на решении судей по нашему делу.

Есть люди и среди нас неунывающие и живущие так, как бы им ничего не грозило. Конечно, большинству из нас и действительно ничего не грозит, кроме заключения, потому что обвинения совсем не тяжки. Но я думаю, что, даже и принадлежа и к таким, я чувствовал бы себя очень дурно. Как бы то ни было, все-таки ты – смертник, как здесь нас зовут, а это клеймо – тяжелое, несмыслимое.

Утро все-таки приносит некоторую бодрость духа и рождает оптимизм во взглядах. Хочется смотреть на будущее в розовые очки, хочется поверить, что все обойдется без крайней жертвы. О, если бы так и устроил Господь! Век бы славил Его богатую милость! Век бы воспевал пред престолом Его снисхождение! Всегда прославлял бы и твое заступление, святителю Николае, ибо тебе в особенности свойственно оказывать помощь в темнице сущим и избавлять от смерти напрасно осужденных.

Прот. В. Соколов

24/V. Ночь под святых Кирилла и Мефодия, отдание Пасхи. Отовсюду несется звон церковный. Везде празднуют, молятся, радуются. А ты сидишь и думаешь только одну свою думу – скоро ли придут по твою душу. Господи, какая безотрадная доля! Трудно удержаться, чтобы не просить, не молить: “Изведи из темницы душу мою, внемли гласу моления моего”. Истомилось, изболелось сердце в этом мучительном ожидании. И я не знаю, если даже “мимо идет меня чаша сия” [Мф. 26, 39], буду ли я когда-нибудь на что-нибудь годен. Я превращусь в болезненного инвалида. Теперь я желаю одного, чтобы меня сослали куда-нибудь. Это невольное путешествие, оно, может быть, оживило бы меня, подняло бы мой дух, укрепило бы мои силы. А без этого все равно едва ли я буду в состоянии перенести этот тяжелый удар.

Боюсь и за вас, мои дорогие детки, боюсь, как бы и вы с горя да слез не нажили себе чего-нибудь. Печаль для думчивого человека вещь очень опасная. Хорошо то, и это поможет вам, что у вас много забот и трудов, и все разнообразных. За ними все-таки рассеетесь, развлечетесь. А потом, около вас люди, которые все-таки отвлекают ваше внимание от больного места и дают передышку. Вот в этом отношении наше положение здесь – самое ужасное. Сиди день и ночь один-одинешенек. Поневоле в голове как клин вбит – одна только эта ужасная мысль о предстоящей тебе смерти и о безнадежности твоего положения. Как рад бываешь, когда кто-нибудь в волчок (маленькое отверстие в двери для контроля начальством) спросит или скажет что-нибудь. И это уже готов считать великим событием и счастьем. А как медленно ползет здесь время! День, начинающийся с 6 часов, кажется прямо бесконечным. А ночь для меня, мало спящего, и еще длиннее. Я даже боюсь этих ночей, потому что по ночам здесь приезжают и забирают для отправления к праотцам.

Отслужил последнюю службу пасхальную. Причастился. Придется ли еще петь Пасху на земле? Ты Один веси, Господи! Но если нет – то удостой меня причаститься вечной Твоей Пасхи в невечернем дне Царствия Твоего.

Прот. В. Соколов

25/V. Вот и Вознесение Господне, чудесный конец чудеснейшего начала (Воскресения). Этими чудесами стоит вся вера наша, на них она зиждется, как на своем гранитном фундаменте. Что бы ни измышляло неверие против христианства, оно всегда будет сильно и устойчиво на этом непоколебимом основании, какое дано в воскресении и вознесении Христовом. Для меня, сейчас в особенности, является отрадным и полным надежды этот праздник Вознесения Господня. Зачем Он вознесся? – Иду, сказал Он, чтобы приготовить место вам. Стало быть, и мне, грешному, Ты, Господи, приготовишь местечко, хотя самое последнее местечко в Царствии Твоем. Стало быть, не безнадежна наша участь при этом переселении в ту загробную жизнь, стало быть, смерть не есть уничтожение, не есть начало нового мучительного существования – она есть начало новой, лучшей жизни, есть перемена от печали на сладость, по выражению церковной молитвы. Если бы так, то и не следует тужить о прекращении этой земной жизни, тужить о приближающейся смерти: для верующего христианина это переход в лучшую жизнь, это начало его блаженства со Христом. Эти мысли дают мне ныне великое успокоение, и я нынешнюю ночь провел много легче, чем все предшествующие. Но вот утро опять принесло расслабление духа. Несется с Москвы радостный звон. Мысленно вижу наш храм, текущую в него ленту нарядных богомольцев. Вижу наполненный храм внутри, многих чад своих, стоящих по своим излюбленным местам. И горько становится, что тебя там нет, что ты не только не можешь там служить, говорить, но даже и присутствовать в числе богомольцев. Переживания тяжелые, но когда вспомнишь, что, живя на свободе и пользуясь всеми благами ее, прежде ты совершенно не ценил их, ни во что не ставил, а принимал как должное, как обычное, то поймешь, что эти переживания вполне заслужены и для будущего очень поучительны. Вообще, это заключение заставляет невольно на многое смотреть иными, чем тогда, глазами, переоценить старые ценности и многое повысить, а иное и понизить в значении, повысить все духовное, идеальное, и понизить все

материальное, чувственное, ибо первое всегда живет и действует, а второе только до известного предела.

Прот. В. Соколов».

Постановление Политбюро должен был подтвердить ВЦИК, но он все не принимал никакого решения, и 26 мая Политбюро приняло следующее постановление: «Указать т.т. Калинин и Енукидзе на недопустимость волокиты, проявленной ими в проведении в жизнь решения Политбюро от 18.V с.г. ...и предложить им выполнить его в течение сегодняшнего дня». После этого окрика все было послушно исполнено, как и самый расстрел.

В этот последний день перед казнью отец Василий писал:

«26/V. Прошло и Вознесение Господне. Какая стоит чудесная погода! Как хорошо в мире Божиим даже из тюремного окна! Какое тепло, какой воздух, какое чудное голубое небо с редкими перистыми облачками! А как теперь хорошо, наверное, в поле, в лесу, у нас в огороде! Наверное, расцвела сирень. Боже мой, как рвется душа туда, в родные места! И вот среди этакой благодати ты не можешь мечтать ни о чем, кроме смерти, кроме приближающегося конца и расставания с этим прекрасным миром... Но, с другой стороны, если здесь так хорошо, если здешний мир может быть так прекрасен и привлекателен, то как несомненно еще более прекрасен и привлекателен тот невидимый, небесный мир, где пребывает в славе Своей Господь со святыми небожителями! Какая там должна быть радость, какое восхищение, какое блаженство! Апостол Павел говорит по своему опыту, что и передать нельзя красоты небесного мира, что нельзя выразить того восторга, какой обнимает душу вступающих в этот мир. Если это так – а это ведь так несомненно, – то что же, собственно, жалеть об этом здешнем мире, который прекрасен только изредка, да и в этой временной красоте всегда таит в себе множество всяких страданий и всякого физического и нравственного безобразия. Потому-то и Христос говорит в Святом Евангелии: “Не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить” [Мф. 10, 28]. Значит, просто только малодушие наше заставляет трепетать сердце в виду этой телесной смерти. И только этот момент, этот миг исхождения души из тела, только он и труден и страшен – а там и сейчас же покой, вечный покой, вечная радость, вечный свет, свидание с дорогими сердцу, лицезрение тех, которых здесь уже любили, которым молились, с которыми жили в общении. И больше не будет тревог, не будет предательств, происков, не будет зла, грязи всякой, мелких и крупных самолюбий, не будет ничего, что отравляет нам здесь даже минуты и самой чистой радости. Как все, теперь загадочное и таинственное, раскроется для освобожденного духа, как все сразу будет понятно, к чему стремился ум, чего желало сердце!.. Все это, безусловно, так заманчиво, так увлекательно, что действительно стоит перетерпеть этот неизбежный, все равно рано или поздно, конец жизни. И вопрос, какой конец лучше в смысле трудности: такой ли, насильственный, или медленный, естественный? В первом случае есть даже некоторое преимущество – это насилие, эта пролитая кровь может послужить в очищение многих грехов, в оправдание многих зол перед Тем, Кто и Сам претерпел насилие и пролил кровь Свою за очищение наших грехов. Моя совесть говорит мне, что, конечно, я заслужил себе свою злую долю, но она же свидетельствует, что я честно исполнял долг свой, не желая обманывать, вводить в заблуждение людей, что я хотел не затемнять истину Христову, а прояснять ее в умах людей, что я стремился

всякую пользу, а никак не вред принести Церкви Божией, что я и думать не думал повредить делу помощи голодающим, для которых всегда и охотно производил всякие сборы и пожертвования. Одним словом, пред судом своей совести я считаю себя неповинным в тех политических преступлениях, какие мне вменяются и за которые я казнюсь. А потому Ты, Господи, прими эту кровь мою в очищение моих грехов, которых у меня и лично, и особенно как у пастыря, очень много. И если бы я знал и твердо был в этом уверен, что Ты, Господи, это временное страдание мое вменил мне хотя частию в оправдание вечное, то я не стал бы и просить, не стал бы и желать изменения предстоящей участи. Вот этой твердой уверенности у меня еще не хватает. Мятужным умом своим я все колеблюсь, не лучше ли еще пожить, еще потрудиться, еще помолиться и подготовиться для вечной жизни. Дай, Боже, мне эту твердую мысль, эту непоколебимую уверенность в том, что Ты взглянешь на меня милостивым оком, простишь мне многочисленные вольные и невольные прегрешения, что Ты сочтешь меня не как преступника, не как казненного злодея, а как пострадавшего грешника, надеющегося очиститься Твоею Честною Кровию и удостоиться вечной жизни во Царствии Твоем! Дай мне перенести и встретить бестрепетно смертный час мой и с миром и благословением испустить последний вздох. Никакого зла ни на кого нет у меня в душе моей, всем и всё от души я простил, всем желаю я мира, равно и сам земно кланяюсь всем и прошу себе прощения, особенно у вас, мои дети духовные, мои дети родные, пред которыми я больше всего мог быть виноватым. Дайте и вы все мир душе моей, дабы я спокойно мог сказать теперь: ныне отпускаеши, Владыко, раба Твоего с миром.

Благословение Господне на всех вас да пребывает во веки. Аминь.

Прот. В. Соколов».

Протоиереи Василий Соколов, Христофор Надеждин, Александр Заозерский, иеромонах Макарий (Телегин) и мирянин Сергей Тихомиров претерпели мученическую кончину и были погребены рядом с Калитниковским кладбищем.

Архимандрит Дамаскин (Орловский)

Библиография

Иеромонах Дамаскин (Орловский). Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Книга 2. Тверь, 1996. С. 54-81.

Дубинский А.Ю. Вифанская духовная семинария. Алфавитный список выпускников 1881-1900 годов (краткий генеалогический справочник). М., 2002. С. 49.

Жития новомучеников и исповедников Российских XX века Московской епархии. Январь-Май. Тверь, 2002. / Составитель жития игумен Дамаскин (Орловский). С. 243-285.

Игумен Дамаскин (Орловский). «Жития новомучеников и исповедников Российских XX века. Май». Тверь. 2007. С. 76-122